

...И когда немислимый зной
сменяется нежданной свежестью ночи
и за окном огнями арабских деревень
светятся холмы Галилеи,
а вдоль предгорий пунктирами света
несутся свихнувшиеся машины,
словно забыв,
что от границы до границы здесь рукой подать,
я пью терпкий, как горечь разлуки,
ночной чай, согревающий не тело, а душу,
почему-то зябнущую
под этим неистовым солнцем,
в этот немислимый зной.

Хоть жидом назови,
но не ставь в эту печь
аравийских хамсинов,
потому что и этот
обрусевший Израиль
еще не Россия.
И беда твоя вовсе не в том,
что ты драишь клозеты,
а что русский —
язык хоть большого,
но все-таки гетто.
Как проник в твою жизнь
не на дни, не на месяцы даже
этот явный абсурд
разговоров и лиц, и пейзажей?
Только солнце и камни,

лишь к морю прижатая суша...
Почему же ты здесь?
Почему же ты здесь?
Почему же?!

Собирались, паковали ценности,
уезжали по чужим следам...
Но забыли мы о нашей цельности,
а ее не сунешь в чемодан.

Думали: прощаемся с завалами
бед российских, коим несть числа...
Но потом себя не узнавали мы,
взглядом упираясь в зеркала.

Ни достатку, ни вину не рады мы.
И, беду надвинувши на лбы,
мы стоим над нашими утратами,
соляные, скорбные столбы.

«Черный квадрат» Малевича

1

«Черный квадрат» Малевича —
это еврейское кладбище.
Здесь — если всмотреться —
могильные плиты тысячелетий
со всей земли.
Здесь место упокоения живых и мертвых —
преданных земле, развеянных пеплом,
потерявших себя при жизни, —
которое ни у кого из них уже не отнять.
Черный цвет поглощает все цвета светового спектра.
«Черный квадрат» Малевича поглощает
весь спектр человеческих чувств —
радость, боль, отчаянье
(а отчаянья и боли на свете тысячекратно больше,
чем радости).
И когда человек теряет абсолютно все
и погружается на самое дно отчаянья,
с ним остается «Черный квадрат» Малевича,
обещанье забвения,
анестезия вечности,
преодоление и спасение,
этот Мессия отчаявшихся,
древнее еврейское кладбище,
где место найдется для всех.

...И если у евреев отнять Израиль,
у них все равно останется
«Черный квадрат» Малевича,
эта иллюстрация к заповеди
«Не сотвори себе кумира»
и к другим божественным заповедям.
Этот вечный знак траура по разрушенному Храму.
Это исход из Египта, это Возвращение.
Это скорбь и утешение скорби.
Это торжество всемирного
сионистского заговора —
синяя звезда Давида,
вписанная в черный квадрат.

«Черный квадрат» Малевича —
это тайна выживания народа.
Это памятник жертвам Холокоста
и погромов.
Это маленькая черная дверь в стене Истории,
куда вошли эти жертвы
и спаслись.
Слышишь, как Диктор Вселенной объявляет:
«Если вы навеки потеряли друг друга,
встречайтесь у «Черного квадрата» Малевича!»

Урок иврита

Зеленеет под моим окошком декель*.
Я шепчу тебе на ушко: «Ат цодекет!»**
Ат цодекет, что приехала в Израиль,
где вечерняя прохлада дышит раем.
Где в ноябрь и тишь, и сушь, и в душах шекет***.
И невиданно устойчив новый шекель.
И тоска тебя по родине не гложет,
и никто тебя не бьет пинком по роже.
А в России, а в Москве — ты глянь-ка в телек —
валит снег, и жестко спать, хоть мягко стелят.
Гонят дуру и подсовывают липу
коммунисты жириновского разлива.
А в стороночке от них, родных советских,
дождик моет серый камень соловецкий.
В эту слякоть, в эту стынь, на эти реки
не заманишь калачом тебя вовеки.

---

* Пальма.

** Ты права.

*** Тишина.

Похлебала этих щей — да с жару с пылу...
Было — не было. Отрезала. Забыла.
Что же, радуйся, что ты судьбой любима,
что в окне твоём гранат, а не рябина.
Что с балкона под библейским небом синим
ты срываешь апельсин за апельсином.

Пью чай вишневые, малинные —
вспоминаю вьюги тополиные...
Пью чай малинные, вишневые —
вспоминаю зарева кленовые...
Никому и ни на что не жалеюсь —
воду кипячу, чаями балуюсь...
Полночь. Бунин. «Темные аллеи».
Зимний дождь висит над Галилеей.

Я живу за синими морями,
я живу за темными лесами,
в некоем царстве, некоем государстве,
обличенном недругом в коварстве.
Из-за гор, из небыли ли были
стаи птиц доносят: «Жили-были...»
Кто-то там рассказывает сказки,
кот у ног выпрашивает ласки,
мельтешат таинственные тени...
Стал я частью детских сновидений.
И пою я тихо: «Баю-баю...»,
в старой сказке век свой доживая.
Не спеша, не пышно, не убого,
от себя лишь далеко-далеко...

Каланит

В январе, что косыми дождями по стеклам звенит,
На холмах Галилеи расцветает опять каланит.
Словно клочья огня, словно свежепролитая кровь,
Каланит пламенеет в преддверье февральских студеных ветров.

Только ночь позади, только серый рассвет впереди,
Так скажи, для чего надо вновь подниматься и дальше идти?

Не дари мне надежду — мне проще без этих затей...
Это путь в никуда, это вечность сезона дождей.
Это мрак ледяной над постылою жизнью калек,
Это снег прошлогодний над тишью оставленных рек.

Пусть тебя сбережет, пусть надежду тебе сохранит
На холмах Галилеи библейской
Январский цветок
Каланит.

Запетляла дорога,
что вела по прямой.
Не суди меня строго —
я поеду домой.

Потому что в утеху
перелески в снегу.
Потому что не ехать
я никак не могу.

Пусть в краю этом ветреном
ни кола, ни двора,
пусть в пустом Шереметьево
куковать до утра.

Пусть хоть кол из осины
за чужую вину...
Не меняют Россию
на иную страну.

Эта смертная сила
прочих связей сильней —
горе мыкать с Россией
до скончания дней.

Ну так что же, карету!
Полушубки на снег!
Если я не уеду,
мне прощения нет.

